

Пугачева Л.П.

Лит. 8.2

ОТ ИМЕНИ И ПО ПОРУЧЕНИЮ...

Нет, подобного, право же, не припомнишь за долгую жизнь в редакции. Удивительное дело! В короткий срок — рекордное количество писем. И все — на одну тему, точнее, по одному поводу, связанному с именем Аллы Пугачевой. Пишут из самых разных точек страны, в том числе из дальних, куда, казалось бы, не так уж «исправно» докатываются столичные события и сплетни о них. А «осведомленность» читателей — поражающая. «Достовернейшие факты», которыми они располагают, естественно, — со слов «свидетелей».

«Очевидцы» — в них на любой случай жизни недостатка нет: всегда находится какой-нибудь двоюродный брат жены брата, или соседка внучатой племянницы, или другие «родственники», которые собственными глазами видели и собственными ушами слышали. Ужас, какая масса свидетелей! Тьма тьмущая! И сколько очевидцев, столько и версий, каждая из которых самая достоверная, самая точная, неоспоримая, а значит, не терпящая никаких обсуждений и споров. Всяк, кто позволяет себе думать и оценивать ситуации по-иному, — «отступник», «слепец», «враг», «верхогляд», «противник перестройки и гласности», «идейный диверсант» (вся терминология из писем!).

Ух, чего только не найдешь в этой почте! Страстные почитатели и непримиримые ниспровергатели творчества Аллы Пугачевой, словно в кулачном бою, стена на стену идут друг против друга — кто «за» и кто «против»; взрыв нежности, благодарности за талант и взрыв ненависти, негодования. По правде сказать, «пугачевский бум» уже навяз в зубах — слишком большая шумиха развернулась. Ну поговорили, поспорили, высказались, а письма продолжают поступать в редакцию. Не берусь точно сказать, каких среди них больше — хвалебных или ругательных. По первому впечатлению приблизительно равное количество тех и других. И, наверное, это дело социологов, изучающих слушательские вкусы, вычислить в процентах, чему отдается предпочтение. Могу лишь констатировать, что у высказывающих положи-

тельную точку зрения много добра, теплоты, уважения, заботы, даже когда они критикуют артистку за ошибки, срывы. Зато «противники» не знают меры грубости, злобы, жестокости.

Однако не в поисках истины — кто прав, кто ошибается — перебираю я почту с пометками «О Пугачевой». Интересует и волнует, что и как пишут в газету, тон, манера высказываний. Именно критические письма приковывают внимание прежде всего абсолютной безапелляционностью суждений. И очень быстро распознаешь в них один испытанный прием: для весомости, для пущей важности излагать свое мнение «от имени народа» — «все так думают...», дальше ссылки на семью, на друзей, знакомых, на коллектив сотрудников. «Все у нас на работе так считают» (Л. Петров, Киев); «Все приличные люди придерживаются такой же точки зрения» (Ю. Самсонова, Саратов); «Это мнение большинства» — заявляет В. Макиевский (Душанбе); «Народ возмущен!» — патетически возглашает А. Заверканов (Душанбе). Значит, не спорьте, не перечьте гласу народному. Такая методика! Право же, от нее пахивает временами, когда целыми коллективами клеймили заблудших, с легкостью приклеивали несогласным ярлыки «врагов народа». И ни-ни оспаривать!

Ворошишь эти сотни и сотни посланий, и становится просто не по себе: откуда такая желчность, озлобленность? Ни возраст, ни профессия не останавливают авторов. Вот письмо из Риги М. Пойчино. Ей 61 год. Она «болеет» за судьбы подрастающих поколений, за чистоту их нравов, призывает к борьбе с грубостью, с «хулиганскими поступками». Но выражения при этом такие, что газетная полоса их выдержать просто не может. Не решаюсь процитировать здесь и ее «единомышленников» — А. Авакумову из Жуковского, Иркутянина Д. Павловского, жителя Тольятти В. Панасенко (между прочим, ветерана педагогического труда, как он сообщил в редакцию), ленинградца И. Григоренко. Не решаюсь, хотя намерения у всех этих авторов, казалось бы, самые благородные — ограждение народа, особенно молодежи, от дурных влияний.

Пока знакомишься с письмами, о воспитанности, деликатности вспоминаешь много раз. Я уж не говорю, что единственная форма критики тех, кто не приемлет А. Пугачеву, — императив: «покончить», «кизгнать», «выкорчевать», «разделаться», «лишить звания», «выслать из страны». Вполне допускаю горячность, запальчивость в споре, однако всему есть мера, предел. Когда на голову популярнейшей певицы сыплется поток оскорбительнейших обвинений, базирующихся на сплетнях и слухах, становится больно.

Я много раз пыталась понять, почему скандальная «хроника» почти всегда окружает имена популярных артистов. Повышенное внимание к ним людей, к их жизни, к их быту? Безусловно. Очень удачно иллюстрирует эту мысль ленинградка Г. Максимова, приведя короткий рассказ Аркадия Райкина: «Иду мимо загса, говорят — Райкин жениться собрался; еду на такси, говорят — Райкин загулял; еду на троллейбусе — говорят, Райкин пропился, нет денег на такси». Да, за каждым шагом следят, словно жизнь их проходит под стеклянным колпаком.

Справедливости ради признаемся, что по части слухов, бывает, и наша журналистская братия подливает масла в огонь. Совсем недавно мне попало в руки интервью Аллы Пугачевой, опубликованное во время ее гастролей в Сочи (после «ленинградских событий») в местной газете. Большая доля в материале отведена (очевидно, «для изюминки») обсуждению личной жизни Аллы Борисовны. Мол, читатели интересуются, объясняет автор. И в самом деле интересуются — в одном из откликов, поступивших в нашу редакцию, прозвучали несколько неожиданные рассуждения В. Ваганова (Астрилово, Пермская область): «Много было статей. В каждой ничего не сказано о семейной жизни Пугачевой. Можно сделать вывод, что она не имеет мужа, и, значит, уже человек не вполне «доброкачественный».

А сколько раз я сама убеждалась, с каким любопытством относятся люди к этой «проблеме». Стоит лишь заикнуться, что ты лично знаешь кого-то из «знаменитостей» — и тут же посыплет множество вопросов. Нет, не о творчестве, не об отношении к профессии, к искусству, не о художнических позициях, планах, а проверка сплетен, гуляющих по свету.

Даже по письмам, завалившим сейчас мой стол, легко убедиться, сколь быстро пополняется «фольклор» легендами, сложенными безвестными авторами. «У нас в городе говорят, что Пугачеву на пять лет лишили выступлений в стране и за рубежом» (Г. Калачев, Горький), Д. Гонт из Барнаула располагает другими сведениями — «лишили звания, приписали к Магаданской филармонии, но на два года запретили появляться на эстраде». А одной читательнице привиделось совсем оригинальное наказание — «ссылка в самодеятельность» (Т. Хорина, Волжский).

И с каким злорадством, глумлением над личностью певицы признанной, известной, широко популярной, и не только в своей стране, сообщаются все «новости» о ней; выдвигаются обвинения в том, что она лишена чувства гражданственности, любви к Родине. «Копейку пожалеет для другого, а уж в Фонд мира, как другие артисты, и грош ломаный не заставит отдать!» — безапел-

ляционно заявляет С. Успенская (Куйбышев).

Буквально все подхватывается и пускается в ход любителями «светских сплетен», широко пользующимися информацией «говорят, что...». А ведь на этом, да еще в «подтверждение» — стиль, манера исполнения, внешний облик-маска, далеко не всем приходящиеся по душе, базируется отношение к артистке.

Кстати, напомним читательнице С. Успенской, что именно Пугачевой, единственной из эстрадных певцов, была вручена медаль за участие в борьбе за мир. Без всяких уговоров и просьб она давала концерты в Фонд мира, в пользу Чернобыля. А что человек она отзывчивый и добрый, можно судить даже по одному эпизоду. (Узнала я о нем не от самой певицы).

Это было во время гастролей Пугачевой в Донецке. Она заметила среди публики слепого мужчину. Оказалось, шахтер, потерявший зрение во время аварии. Познакомилась с ним, уговорила поехать его вместе с дочкой в Москву. Оплатила проезд туда и обратно, поила, кормила, добила приема у чудотдея, волшебника-хирурга С. Федорова, который прооперировал ее «подопечного». Так, совершенно бескорыстно она приняла участие в судьбе человека, помогла ему вновь увидеть свет и вернуться к полноценной, трудовой жизни. Мне думается, это поступок высокой, благородной пробы! Только не знаю, примет ли он этих «борцов» за «этику и эстетику советских людей», — ведь в пылу сражений они, по-моему, напрочь утратили ориентиры этики и эстетики, в истинном понимании этих слов.

Много нового, «увлекательного» узнала я и о себе после публикации статьи «Восхождение к... скандалу?», связанной с именем А. Пугачевой. И в «подруги» ее, в «приятельницы», в «единомышленницы» записали меня Л. Воронова (Трускавец) и В. Иванова (Киев); и «адвокатом» артистки назвал В. Синельников (Липецк); к «бесчестным журналистам, работающим за двойной гонорар — от редакции и от «звезд», причислил В. Ярмолинский, подкрепив свои слова тем, что «такие слухи ходят»; в подхалимаже обвинил минчанин Некрошевич; о «нечистой игре» пишет В. Родионов (Харьков), потому как якобы наняла меня Пугачева, чтобы возносить ей хвалу. С. Голубева (Луга) назвала материал «грязным, квартирным», а ленинградка В. Алексеева, зайдя во гневе, заодно и «Советскую культуру» не постеснялась обозвать «грязной газетенкой». Но самое страшное преступление инкриминировано мне Л. Жуковой (Иркутск): «Написала бы Игнатьева, сколько валюты отвалила ей Пугачева за статью!».

Хватит! Предостаточно! Пора подумать об ответственности за произнесенное или написанное слово, перестать лить грязь, размножая сплетни —

«кто-то слышал», «кто-то передал», «кто-то предположил», «кому-то показалось». Запросто бросаться словами, не думая о том, что слово способно ранить.

Правда, в данном случае поток обвинений, подозрений, упреков демагогически прикрыт благороднейшими призывами к борьбе с «безыдейностью», «с чуждыми идеологическими влияниями», «с пагубными привычками и пороками». Направлен против тех, кто «не способен на принципиальную партийную критику» (Г. Эндзелин), «кто лишен чувства гражданственности, патриотизма, пренебрегает нашими порядками и правилами общежития» (В. Никулин, Москва), «кто принижает значение объявленной партией гласности» (В. Карачан, Одесса). Л. Бачникова (Белгород) строго предупреждает: «Если газета не откликнется на мое письмо, я перешлю второй экземпляр в другое место с указанием, что вы зажимаете гласность», а ленинградец М. Саввин даже указывает точный адрес зажимщика: «Хотите посмотреть на противника перестройки? Живьем, с фамилией? Это — Игнатьева!», — пишет он.

Надежно! И на первый взгляд весьма современно, по-сегодняшнему: перестройка, гласность. Но ведь яснее ясного, что демократическая атмосфера гласности, открытости суждений, право каждого высказаться и доказать свою точку зрения отнюдь не должны порождать скандальность, враждебность, неприязнь, стимулировать, увы, неизжитую привычку давних времен — разоблачать, выводить на чистую воду.

Нет, перестройка прежде всего предполагает перестройку человеческого сознания, уважительное, честное взаимоотношение между людьми. Даже в спорах, когда сталкиваются противоположные точки зрения. Не уличения и обличения оппонента, не брань, а аргументированные доказательства правомерности своей позиции. Ведь именно здесь проявляется истинная культура — в умении прислушаться к чуждому мнению, понять, разобраться в его сути, пусть даже не согласившись с «противником». В том истинная культура, в которой, сказать честно, обнаружила я серьезный дефицит.

Обширная почта, оживленная переписка с читателями — всегда актив газеты. На сей раз обилие писем лишило возможности ответить и поблагодарить каждого читателя персонально. Эту функцию выполняет данный обзор. Что же касается судьбы А. Пугачевой, интересующей многих, после участия в фестивале советского искусства в Индии она покажет готовящуюся новую программу советским зрителям, порадует тех, кому дорого ее искусство и, боюсь, вызовет еще одну волну недовольства и злобы у своих противников. Потому что, как она сказала в недавнем интервью по московскому телевидению, такая она есть в творчестве, такой будет и другой: статья просто не сможет.

М. ИГНАТЬЕВА.

СОВЕТСКИЙ ПУГАЧЕВ

25 ДЕК 1987